

Автор двух стихотворных книг и ряда публикаций в российских литературных журналах («Наш современник», «Знамя», «Север», «День и ночь», «Двина» и др.).

Родилась в 1965 году в Архангельской области, в семье учителей. Окончив Архангельский педагогический институт, больше четверти века работает в школе.

Кроме стихов, пишет прозу и публицистику. Член Союза писателей России.

Я не отдам полцарства за коня.
К чему мне конь? — Их нет уже в помине.
Пусть иногда найдётся в рыжей глине,
как будто след давнишнего огня,
истёртая и ржавая подкова, —
сулит ли это счастье для меня? —
Наверно, нет. Я помню, как без крова

скитались две последних на селе,
ненадобных совхозу, лошадёнки.
С шестых уроков бегали девчонки,
чтоб накормить их. Жил навеселе
последний конюх. Став разнорабочим,
недолго он держался на земле,
сошёл на нет, подобно многим прочим.

Скосило с девяностых полсела:
болезни, водка... Благо, если старость.
А скольких деревушек не осталось —
исчезли, точно выгорев дотла.
Что лошади, когда для государства
обузой — люди? Всё бы отдала,
чтоб прекратились беды и мытарства.

Но не было и раньше у меня,
да и не будет царства иль полцарства...

2.

Чего жалеть? Для завтрашнего дня
недостаёт проворства мне и силы.

...а всё же вспомню: брат привёл коня
и к плугу встал, а бабушка учила
и хмурилась: ломает борозду. —
Хотелось ей, чтоб внук освоил дело.
Пошло на лад, и радостно смотрела
вокруг она, лошадку в поводу
ведя домой.
А ночью во дворе хруст сена... —
генетическая память,
усни навеки! —
... утро в октябре,
век двадцать первый цепкими сетями
меня оплёл, и вырваться невмочь,
а хочется, к чертям пославши Сети,
вернуть тот день и, повторив точь-в-точь,
услышать конский топот на рассвете.

Метался снег, и ветры голосили,
и выстыл дом — ни капельки тепла.
И словно я одна была в России,
да и Россия маленькой была.

Зажатая нахлынувшею тьмою —
домашний свет едва мерцал во мгле,
я вспоминала небо голубое,
цветы и травы на родной земле.

Мерещились вокруг чужие станы,
в окно глядела мутная звезда.
И думалось, что скоро жить устану,
а утро не наступит никогда,

что середина жизни, как печатью,
межвременьем тягучим скреплена,
что раньше срока постарели братья,
что без войны давно у нас война,

и если горизонт зальётся алым —
не разобрать, пожар или восход.

Храни, Господь, причалы и вокзалы,
детей храни — хотя бы в Новый год...

ЗАПАХ БЕДЫ

А старухи опять
запасаются мылом и солью.
Запах близкой беды
им доподлинно с детства знаком.
И молчит в ожиданье
пустынное русское поле,
а с окраины тянет
и порохом, и табаком,
да не тем, заграничным,
с заморским густым ароматом,
а махоркой простой,
словно старый встряхнули кафтан.
И уснуть я не в силах,
как будто и впрямь виновата
в том, что плачут старухи
и смотрят с тоской на экран.

Живое проявляется на срезе.
 Пугает боль, но если б не излом,
 душа, наверно, продолжала грезить
 до старости о чём-то о своём,
 в уединенье, по заветам предков,
 не ведая ни дыма, ни огня.
 Но чей-то нож коснулся нежной ветки,
 и стон её донёсся до меня.
 И я, подобно веткам краснотала,
 хранящим до поры речной покой,
 далёким листьям в лад затрепетала
 на берегу над северной рекой,
 как будто и моя открылась рана,
 и надо мной взметнулось вороньё,
 и стрелы украинского майдана
 летят сквозь сердце русское моё.

По утрам тяжелеют обычные вещи,
 даже чашку из шкафа с трудом достаю.
 И оборванный сон представляется вещим,
 и качается мир,
 и стоит на краю.

Это жизнь. Это вечное преодоление.
 Я огонь разжигаю в печи,
 и во мне
 от живого тепла разбегаются тени,
 поднимается день,
 будто тесто в квашне,

Набухает, ползёт
 и становится хлебом
 под моими руками,
 привычно обмят.
 И крошу, и ломаю его на потребу,
 а к полуночи охну —
 он был или не был? —
 но/ плывёт над землёю его аромат.

